ШВЕДСКАЯ БАЛЛАДА

ОБЪ

УВОЗѢ СОЛОМОНОВОЙ ЖЕНЫ

СООБЩИЛЪ

Акад. **А. Н. Веселовскій.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

5 **1896.**

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Извлечено изъ тома I-го 1-ой книжки Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой жены.

I.

Повѣсть объ увозѣ Соломоновой жены сохранилась болѣе или менѣе цѣльно въ славянорусскихъ и средненѣмецкихъ текстахъ; показанія другихъ европейскихъ литературъ, отрывочнаго характера, свидѣтельствуютъ развѣ о древности и относительномъ распространеніи легенды, лишь мало проливая свѣта на ея первоисточникъ. Не рѣдко осталась одна лишь схема сказанія съ новыми именами; такъ въ португальскихъ повѣстяхъ, гдѣ имя Соломона уступило имени Рамиро; такъ и въ слѣдующей шведской балладѣ, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является царь Давидъ[1]).

Баллада эта интересна для насъ вопросомъ, который она возбудила въ ея комментаторѣ, проф. Шюкѣ: о возможности ея происхожденія изъ русскаго, даже пѣсеннаго, утраченнаго пересказа[2]). Прежде чѣмъ высказаться по этому поводу, приведемъ въ переводѣ самую балладу.

---

1) Къ легендѣ объ увозѣ сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ гл. V и VI; Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, гл. V. Къ португальскимъ сказаніямъ сл. еще Baist въ Zs. f. romanische Philologie V, 173 и Carolina Michaëlis de Vasconcellos въ Paul u. Braun'es Beiträge VIII, стр. 315 слѣд.

2) Schück, Ur gamla papper (Stockholm 1892), стр. 111 слѣд.: Marcolfussagan i Sverge; сл. стр. 127.

1. Сольфагеръ («Красное солнышко») была такой красавицей, что не было ея краше на островѣ.

2. Красавицей женой была Сольфагеръ; великая то была опасность для государя Давида.

3. Клалъ онъ золотой крестъ на руку Сольфагеръ, чтобы можно было признать ее въ другихъ странахъ.

4. Сольфагеръ стоитъ у воротъ замка; проѣзжалъ тамъ верхомъ новгородскій конунгъ.

5. «Постой, Сольфагеръ, красавица, статная (fin): дома-ли Давидъ, дорогой твой мужъ».

6. «Государь Давидъ уѣхалъ вчера изъ дома, не вернется въ этомъ году».

7. «Коли хочешь мнѣ заручиться, Сольфагеръ, во всѣ дни будешь ступать по красному золоту»;

8. Заручись мнѣ честнымъ словомъ, Сольфагеръ, и ты во всѣ дни будешь ходить въ золотыхъ башмакахъ».

9. «Долго-ли станете вы держать меня такъ, чтобъ мнѣ во всѣ дни ступать по красному золоту»?

10. «Такъ долго стану я держать тебя такимъ образомъ, пока земля и царство будутъ мои».

11. «Нѣтъ, не сдѣлаю я того ни за что, потому что люблю всѣмъ сердцемъ государя Давида».

12. Давалъ онъ ей тутъ забыдущій напитокъ; она вскрикнула и тутъ-же упала на землю.

13. Давалъ онъ ей тутъ два забыдущихъ напитка, такъ что Сольфагеръ вскрикнула, гдѣ стояла.

14. Оболокли они ее, клали на носилки и понесли на кладбище.

15. Клали они ее въ каменную гробницу, спускали потомъ въ землю.

16. Понесли они её на кладбище; государь Давидъ стоялъ въ рощѣ и смотрѣлъ на это.

17. Клали они въ ротъ Сольфагеръ тростинки, чтобы ей было мѣсто дышать.

18. Вынимали они Сольфагеръ изъ земли и увозили ее изъ страны.

19. Государь Давидъ приказывалъ снарядить себѣ рубище и клюку (pik), ходилъ по всей землѣ въ образѣ паломника.

20. Государь Давидъ вошелъ въ замокъ конунга; на дворѣ стоитъ передъ нимъ конунгъ Новгорода.

21. «Постой, конунгъ, прекрасный, привѣтливый (fin), не дашь-ли ты пристанища бѣдному паломнику»?

22. «Пойди-ка въ горницу, будетъ тебѣ тамъ и медъ и вино».

23. Садились они, паломники, вмѣстѣ, кругомъ, а Сольфагеръ дѣлитъ для нихъ хлѣбъ.

24. «Слышь ты, Сольфагеръ, прекрасная, статная, почему не дѣлишь ты хлѣба голой рукой»?

25. «До-сыта ты наѣлся, старый дурень; коли не хочешь ѣсть, ступай прочь».

26. Конунгъ садился на постель. «Что такое говоритъ дурень»?

27. «Милый государь мой, ложитесь, вѣдь то, что говоритъ дурень, ничего не стоитъ».

28. Заснули они всѣ на своихъ мѣстахъ; тутъ Сольфагеръ уходила домой за государемъ Давидомъ.

II.

Проф. Шюкъ, не указывающій на происхожденіе своего текста, заимствовалъ его изъ сборника Арвидсона, только подновивъ правописаніе (см. стр. 111). У Арвидсона баллада напечатана по ркп. XVI вѣка въ двухъ варьянтахъ: первый (*A*), воспроизведенный Шюкомъ, озаглавленъ: Jungfru Solfager; во второмъ жена названа Solfot (Sölfot, Sölfat) и имена дѣйствующихъ лицъ другія; но изслѣдователь не принялъ его во вниманіе [1]).

1) См. Arvidson, Svenska fornsånger I, стр. 177 слѣд., стр. 180 слѣд. (№ 25). Этимъ указаніемъ я обязанъ В. Ѳ. Шишмареву.

Слагателю приведенной пѣсни извѣстно было сказаніе славянорусскаго или нѣмецкаго типа, но онъ обработалъ его въ обычномъ, импрессіонистскомъ стилѣ баллады, останавливаясь лишь на существенныхъ положеніяхъ, переходя отъ одного къ другому скачками, многое подразумѣвая и заставляя подразумѣвать, досказывать. Сравненіе былины о Васильѣ Окульевичѣ съ нашей балладой (особенно съ варіантомъ *B*) можетъ служить характеристикѣ безстрастно-эпическаго, медленно текущаго изложенія, съ одной стороны, и нервной подвижности лирико-эпическаго стиля съ другой [1]). При такихъ условіяхъ раскрытіе первоисточника баллады не можетъ не быть затруднительнымъ, потому что умолчаніе нѣкоторыхъ подробностей нельзя съ увѣренностью вмѣнить особенностямъ подлинника, а съ той же вѣроятностью и стилистическому умолчанію баллады, доходящему иногда до неясности. Можно объяснить иныя изъ этихъ неясностей искаженіемъ поздняго пересказа или списка, но именно стиль баллады не позволяетъ слишкомъ довѣряться этому критерію. Въ строфѣ 6-й, напр., говорится, что Давидъ уѣхалъ (какъ и въ русской версіи Соломона нѣтъ дома, когда похищаютъ его жену) и не вернется въ этомъ году; въ 16-й онъ стоитъ въ рощѣ и видитъ, какъ хоронятъ Сольфагеръ. Онъ, стало быть, вернулся? Баллада орудуетъ широкими штрихами и пятнами и позволяетъ подсказывать.

Шюкъ сравнилъ ея содержаніе съ славянорусскими и нѣмецкими легендами объ увозѣ Соломоновой жены. Къ его замѣчаніямъ я присоединю и свои.

Въ нѣмецкой поэмѣ похититель увозитъ жену съ ея согласія, въ балладѣ она любитъ мужа и взята обманомъ. Шюкъ (стр. 123) приводитъ въ параллель еще былину о Васильѣ Окульевичѣ. Я

1) Въ переводѣ *A* опущены (какъ и въ текстѣ у Шюка) припѣвы послѣ каждой строфы, не имѣющіе ничего общаго съ содержаніемъ баллады. Ихъ два, и они чередуются черезъ строфу. Такъ за первой, третьей и т. д. слѣдуетъ refrain: «Пока вы молоды!»; за второй и всѣми четными: «Охота мнѣ пришла слагать стихъ и риѳму!» (Migh lyster både dichta och rimma). Въ варьянтѣ *B* припѣвы перемежаютъ стихи: «Пока мы были молоды!» и «Хочется мнѣ выѣхать въ лѣсъ!» (Migh lyster uti lunden att rida).

полагаю, что въ былинѣ мотивъ если не согласія, то увлеченія похитителемъ выраженъ ясно: когда жена, признавъ Соломона, добравшагося до нея въ видѣ калики, говоритъ ему:

Пожалуй-ка, Соломонъ, въ высокъ теремъ,
Мое, сударь, дѣло, *поневольное,* —

это, съ ея стороны, только попытка оправдаться, ибо вслѣдъ за тѣмъ она же выдаетъ Соломона своему похитителю. Такова точка зрѣнія и русской версіи съ именемъ Китовраса[1]).

Въ балладѣ новгородскій конунгъ подпаиваетъ Сольфагеръ забыдущимъ зельемъ; въ славянорусскихъ и нѣмецкихъ версіяхъ то же дѣлаютъ посланцы похитителя. Царица лежитъ замертво, но это и возбуждаетъ подозрѣніе Морольфа въ нѣмецкой поэмѣ, въ русскихъ пересказахъ — Соломона или Давида[2]); и тамъ и здѣсь ей кладутъ на руку знаменіе разожженными клещами или растопленнымъ свинцомъ; по этому знаку на рукѣ она впослѣдствіи и узнана. — Замѣна Соломона Давидомъ въ нашей балладѣ не стоитъ-ли въ связи съ какимъ-нибудь текстомъ вродѣ русскаго, гдѣ такой совѣтъ даетъ именно Давидъ? Только баллада иначе мотивировала эту подробность: Сольфагеръ вѣрна своему мужу, но онъ боится, что ея красота будетъ ему источникомъ бѣдъ, смерти (строфа 2), что Сольфагеръ могутъ похитить, и вотъ онъ кладетъ ей на руку знакъ креста, дабы всюду можно было признать ее, куда бы ее ни увезли. И она, видимо, понимаетъ, къ чему этотъ крестъ, и признаетъ Давида по одному вопросу: почему не рѣжетъ она хлѣбъ голою рукою? (строфа 24). Мы можемъ спросить, наоборотъ: почему она скрываетъ ее и, вѣроятно, носитъ перчатку (какъ въ славянорусскихъ и нѣмецкихъ версіяхъ)[3])? Можетъ быть, въ источникѣ баллады говорилось, что

1) Славянскія сказанія и т. д. стр. 239 — 40, 221 — 2; сл. Разысканія l. c. стр. 89 — 90.

2) L. c. стр. 232 — 234, 283 — 4.

3) Въ варьянтѣ *B* положеніе понято такъ: Solfot разливаетъ паломникамъ медъ; мужъ бросаетъ на столъ свои рукавицы и говоритъ дерзкое слово: Не таковъ обычай здѣсь въ странѣ, жены и дѣвушки разливаютъ медъ голой

похищеніе Сольфагеръ совершилось съ ея согласія и она недаромъ прятала знаменіе, которое могло ее обличить; можетъ быть, Давиду, въ самомъ дѣлѣ, грозила смерть, и жена выдавала своего мужа, какъ въ славянорусскихъ и нѣмецкихъ сказаніяхъ и въ былинѣ о Васильѣ Окульевичѣ. Въ такомъ случаѣ новая мотивировка принадлежитъ балладѣ, слѣды древнихъ отношеній остались ненарокомъ въ строфахъ 2-й и 24-й.

Слѣды такихъ же отношеній сквозятъ и еще въ одной подробности. Шюкъ указываетъ (стр. 123—4) на то отличіе баллады отъ славянорусскихъ и нѣмецкихъ сказаній, что въ послѣднихъ жена увезена посланцами похитителя, въ балладѣ же имъ самимъ. Но въ ея источникѣ положеніе было другое, и намеки на это остались: въ строфахъ 12 — 13 конунгъ даетъ Сольфагеръ забыдущаго зелья; въ 14 — 16-й ее хоронятъ, очевидно, люди Давида; въ 17-й являются какіе-то *они*, но, несомнѣнно, посланцы конунга, которые и устраиваютъ такъ, чтобы она не задохлась въ гробу; они же и увозятъ ее въ строфѣ 18-й. — Ясно, стало быть, что эпизодъ посланцевъ существовалъ въ подлинникѣ, но онъ затушеванъ въ балладѣ, введшей въ этотъ эпизодъ и самого похитителя (иначе Шюкъ стр. 123—4).

Шюкъ сближаетъ балладу съ поэмой о Морольфѣ въ той чертѣ, что въ первой посланцы («они») конунга кладутъ въ ротъ обмершей Сольфагеръ тростинки для воздуха, а въ поэмѣ Морольфъ прибѣгаетъ къ той же уловкѣ, когда, уходя отъ преслѣдованія, погружаетъ свой корабль въ море. Эпизодъ этотъ въ поэмѣ чисто внѣшній и, вѣроятно, поздній, въ балладѣ онъ кажется болѣе у мѣста; можетъ быть, здѣсь она сохранила древнія отношенія (Шюкъ стр. 124), но я готовъ приложить тотъ же критерій, и въ виду подобнаго же предположенія, и къ слѣдующему еще эпизоду: въ поэмѣ Морольфъ открылъ, куда увезена

рукою! (De bruka inte sådan sed här på land, — Fruer och jungfrur skifta mjöd med barer hand). Дерзкое слово сказалъ паломникъ! говоритъ похититель, также бросая на столъ рукавицы. Еще болѣе дерзкимъ было выкопать Solfot изъ земли, отвѣчаетъ паломникъ — и тотчасъ же увозитъ жену.

жена Соломона, заточенъ похитителемъ, но спасается, опоивъ всѣхъ соннымъ зельемъ; въ балладѣ на нѣчто подобное намекается въ послѣдней строфѣ: очевидно, Давидъ опоилъ всѣхъ, когда говорится, что всѣ заснули, когда онъ увезъ съ собою Сольфагеръ. Шюкъ (стр. 126) рѣшаетъ въ этомъ случаѣ такъ, что баллада перенесла къ концу, на Давида, что говорилось (согласно съ нѣмецкой поэмой) въ ея источникѣ о развѣдчикахъ мужа (= Морольфъ), избѣгнувшихъ такимъ образомъ кары похитителя [1]). Я не вижу особаго основанія для такого предположенія, тѣмъ болѣе, что и Шюкъ двоится (стр. 126—7), допуская съ одной стороны, что баллада могла забыть эпизодъ о развѣдчикахъ, съ другой указывая, что безъ нихъ обошлась и былина о Васильѣ Окульевичѣ, гдѣ самъ мужъ отправляется на поиски жены. Но можно предположить такое же опущеніе и для былины, которую мы уже заподозрили въ подобномъ. Впрочемъ и въ португальскихъ повѣстяхъ соломоновскаго типа развѣдчикомъ идетъ лишь мужъ.

Замѣчу мимоходомъ, что не только въ нѣмецкомъ, но и въ славянорусскомъ преданіи царицу сначала опаиваютъ, погребаютъ, а затѣмъ уже увозятъ [2]); та же послѣдовательность и въ балладѣ, такъ что въ этой чертѣ между ней и нѣмецкой поэмой нѣтъ спеціальнаго согласія, какъ то утверждаетъ Шюкъ (стр. 124).

Предложенный мною разборъ приводитъ къ заключенію, что въ источникѣ баллады 1) дѣло шло о женѣ-измѣнницѣ, что 2) мужу въ самомъ дѣлѣ грозила смерть, а 3) у похитителя были помощники. Стало быть, какъ въ славянорусскомъ и нѣмецкомъ преданіи; новая мотивировка дѣйствія принадлежитъ балладѣ, сократившей эпизодъ о пособникахъ.

Ничто не поддерживаетъ гипотезу Шюка, что источникомъ баллады могла быть какая-нибудь русская пѣсня—кромѣ названія похитителя конунгомъ Новгорода. Новгородъ могъ просто

---

1) Сл. въ славянорусскомъ сказаніи: «Волхвъ же той пирова у цр҃я Соломона и ѡмрачи его и вся люди его». См. Разысканія l. c. стр. 89.

2) См. Славянскія сказанія и т. д. стр. 233.

подставиться вмѣсто другого имени, какъ то часто бываетъ въ народныхъ и полународныхъ пересказахъ того же сюжета. Если бы гипотеза покоилась на болѣе твердыхъ устояхъ, пути воздѣйствія легко было бы намѣтить. Именно на Руси сага о Соломонѣ принадлежитъ къ распространеннымъ въ народѣ[1]); легенда объ увозѣ не только перешла въ сказки, но и въ заговоръ «отъ огненнаго змѣя»[2]), ея схема отразилась на былинѣ о князя Романѣ[3]). Съ другой стороны русскія сказки и былины (объ Ильѣ, Иванѣ Годиновичѣ, Алешѣ и Добрынѣ) заходили въ среду финскаго населенія Кареліи и Ингріи. Шведская пѣсня объ увозѣ Соломоновой жены, записанная въ Финляндіи, была бы доказательнѣе въ смыслѣ нашего пѣсеннаго воздѣйствія, чѣмъ случайное упоминаніе Новгорода въ балладѣ, о которой идетъ рѣчь; въ варьянтѣ *B* Давиду отвѣчаетъ датскій король (Danekung), новгородскому конунгу какой-то Ormekung (царь змѣй). Пока остается вѣроятнымъ, что пѣсня навѣяна тѣми же теченіями, которыя познакомили шведскую литературу и съ «преніемъ Соломона и Маркольфа[4])». Если то была какая-нибудь нѣмецкая пѣсня или по-

---

1) Сл., между прочимъ, въ дополненіе къ библіографіи, приведенной въ моихъ предыдущихъ изслѣдованіяхъ: Чубинскій, Труды и т. д. I, стр. 106 — 7; Этнограф. Обозр. V: П. И., Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ стр. 104—5 (бѣгство жены Соломона къ *своему* брату); XVII, стр. 85 слѣд.; сл. стр. 100 слѣд. (женитьба Соломона; бѣгство жены Соломона къ *своему* брату).

2) См. Слав. сказанія стр. 243. Слѣдующее объясненіе поговорки, записанное въ Олонецкой губерніи, взято изъ соломоновскаго эпизода Палеи: Человѣкъ — нога лошадина, степь (?) человѣчья, скакалъ по граду, дома срывалъ. Выходила вдова къ нему на встрѣчу и говорила: Великій царь Китоврасъ, не заставь меня вѣкъ страдать, не срывай моего дома. Оборотился онъ на нее, взглянулъ, и сказалъ: Покорное слово кость ломитъ! Съ того и пошла поговорка: Покорное слово кость ломитъ. Сл. Этногр. Обозр. XI, 198; Слав. сказанія стр. 210.

3) См. Ждановъ, Русскій былевой эпосъ стр. 463 слѣд., 483 — 5, 491 — 492 слѣд., 498 — 499.

4) См. Schück, l. c. стр. 114 и тамъ же описаніе фресокъ въ одной церкви XIV в. съ изображеніями Маркольфа и его жены. О Соломонѣ и Маркольфѣ въ Португаліи см. сообщеніе Carolina'ы Michaelis de Vasconcellos у Vogt'a, Zu Salman — Marcolphus въ Beiträge z. Gesch. d. deutschen Sprache u. Litteratur, VIII.

вѣсть, то она интересна умолчаніемъ имени Морольфа, обычнаго пособника Соломона въ дошедшемъ до насъ нѣмецкомъ преданіи объ увозѣ. Едва ли мы имѣемъ здѣсь дѣло съ умолчаніемъ баллады.

III.

Гипотезу о русскомъ источникѣ шведской баллады, выставленную Шюкомъ, раздѣляетъ и Чайльдъ[1]), впрочемъ, не обосновывая ее; рядъ новыхъ варьянтовъ, привлеченныхъ имъ къ сравненію и еще не принятыхъ во вниманіе изслѣдователями Соломоновской саги, не измѣняютъ нашего взгляда. Къ двумъ шведскимъ балладамъ у Арвидсона присоединяются теперь двѣ отрывочныя записи XIX вѣка изъ собранія Stephens'а, видимо принадлежащія къ той же редакціи, какъ и знакомый намъ текстъ. Имена тѣ же: Давидъ и Сольфагеръ. Въ варьянтѣ изъ Сёдерманланда когда Сольфагеръ подаетъ паломнику милостыню, онъ говоритъ: Много я странствовалъ по сушѣ и водѣ, никогда еще не подавала мнѣ милостыню рука въ перчаткѣ. Кто же ты, бродяга? спрашиваетъ Сольфагеръ. Не бродяга я, часто цѣловалъ я руку у Сольфагеръ, отвѣчаетъ Давидъ, и жена бросается къ нему въ обьятья. Такъ разрѣшается и шведскій варьянтъ изъ Småland'а[2]).

Норвежская версія у Landstad'а № 56 соединяетъ царя Давида и Сольфагеръ съ Змѣинымъ королемъ, Ormekongin шведской баллады у Арвидсона *B*. Говорится о золотомъ крестѣ, который «они» (?) положили на руку красавицы, чтобы можно было признать ее на чужбинѣ. Когда Ormekongin уговариваетъ Сольфагеръ измѣнить мужу и уйти съ нимъ, она отвѣчаетъ: Никогда тому не бывать, чтобъ я отдалась *двумъ братьямъ;* древняя

---

1) Fr. J. Child The english and scottish popular ballads, part IX (1894), стр. 1 слѣд., стр. 279 слѣд. Сл. стр. 7.

2) l. c. стр. 280.

черта, не встрѣчавшаяся намъ въ предыдущихъ пересказахъ: въ славянорусскомъ сказаніи похититель (Китоврасъ) также братъ Соломону, какъ и Морольфъ средненѣмецкой поэмы, забывшій свою роль похитителя[1]).—Ormekongin опаиваетъ Сольфагеръ; она лежитъ замертво, о чемъ даютъ знать Давиду; Змѣиный царь выкрадываетъ ее изъ гробницы. Его нѣтъ дома, когда Давидъ является къ его двору въ образѣ паломника; тотъ же вопросъ его къ Сольфагеръ, значеніе котораго мы уже знаемъ: Въ обычаѣ-ли у васъ рѣзать хлѣбъ рукой въ перчаткѣ?—Слѣдуетъ признаніе и увозъ[2]).

Во всѣхъ разобранныхъ до сихъ поръ пересказахъ жена увезена противъ воли; въ датскихъ пѣсняхъ на нее какъ бы падаетъ доля вины. Въ древнѣйшемъ текстѣ (1600 и 1615 гг.)[3]) Давидъ, уѣзжая, предлагаетъ Suol-far остаться при его матери, и когда она на это не согласилась, обвязываетъ ей палецъ золотомъ, чтобы можно было признать ее, гдѣ бы она ни была. Suol-far расчесываетъ свои волосы, когда проѣзжаетъ король Adell. Хочетъ-ли она возложить на голову золотой вѣнецъ? спрашиваетъ онъ ее; но она дождется того и отъ Давида, коли Господь Богъ дастъ ему вернуться съ честью. Она отвергаетъ предложенія

---

1) См. Славянскія сказанія стр. 247. Я имѣю въ виду такъ называемаго перваго Морольфа. Въ преніяхъ Морольфа съ Соломономъ (= второй Морольфъ) ихъ мудрость объясняется тѣмъ, что Соломонъ съѣлъ сердце ястреба, котораго на кускѣ хлѣба изжарила его мать, а Морольфу достался сухарь (сл. Славянскія сказанія стр. 53—4 прим. 1). Можетъ быть, это лишь видоизмѣненный сказочный мотивъ, по которому нѣсколько женщинъ беременѣютъ, поѣвъ различныхъ частей одного и того же животнаго. Въ такомъ случаѣ указанная подробность «преній» была-бы символическимъ выраженіемъ какого-то родства.—Сводный братъ Соломона, карликъ, является въ одномъ средневѣковомъ сказаніи о Сивиллѣ (= царицѣ Савской), явившейся къ Соломону и преклонившейся передъ будущимъ древомъ распятія. Уѣзжая, она проситъ Соломона дать ей въ спутники его своднаго брата, а царь поручаетъ ему допросить Сивиллу, что побудило ее преклониться передъ древомъ. Сл. Springer, Sagengeschichtliche Parallelen aus dem bab. Talmud въ Zs. d. Vereins für Volkskunde II, 301.

2) Нѣсколько неизданныхъ варьянтовъ норвежской баллады находятся въ собраніи Sophus Bugge и Moltke Moe. Сл. Child l. c. стр. 8.

3) О текстахъ см. Child, стр. 8 и 280.

Adell'а, опоена и похоронена; когда поздно вечеромъ она очнулась, Adell предлагаетъ ей бѣжать; она плачетъ, но подъ конецъ соглашается. Все это подслушалъ какой-то служитель и донесъ Давиду. Въ сценѣ паломника Давидъ спрашиваетъ: Таковъ-ли обычай въ этой странѣ, что милостыню (деньги) подаютъ рукою въ перчаткѣ? Жена снимаетъ ее, Давидъ убиваетъ похитителя, а Suol-far защищается тѣмъ, что ее опоили. — Я знаю, что вина не твоя, говорится въ одномъ варьянтѣ 1719 г., гдѣ Adel является намѣстникомъ Давида на время его отсутствія и соблазняетъ Sulfehr, сообщивъ ей ложную вѣсть о смерти мужа. Въ противорѣчіи съ этою чертою находится слѣдующее: когда Адель предлагаетъ Sulfehr бѣжать съ нимъ, она отвѣчаетъ, что сдѣлаетъ то охотно, если это не будетъ непріятно (или не послѣдуетъ непріятности) царю Давиду.

Отдѣльно отъ всѣхъ приведенныхъ стоитъ англійская баллада о Джонѣ Томсонѣ [1]): она одна сохранила развязку сказанія о похищеніи *невѣрной* жены Соломона; я разумѣю сцену подъ висѣлицей, знакомую и славянорусскимъ и средненѣмецкимъ сказаніямъ, и сербской сказкѣ, и былинѣ о Васильѣ Окульевичѣ и соотвѣтствующему эпизоду въ Li bastard de Bouillon.

Въ началѣ баллада нѣсколько скомкана, первоначальное положеніе было такое: въ отсутствіи мужа жена бѣжитъ съ полюбовникомъ, мужъ идетъ на поиски, узнанъ измѣнницей и выданъ головой похитителю. Все это измѣнено такимъ образомъ: молодой Джонъ Томсонъ три года бьется съ турками, когда однажды видитъ свою жену, оставленную имъ въ Шотландіи, богато разодѣтую. Какъ она сюда явилась?—спрашиваетъ онъ; отвѣта баллада не сохранила.—Нѣсколько дней осталась съ Томсономъ жена, а затѣмъ собралась во свояси; мужъ говоритъ ей, какой путь ей избрать, чтобы не попасть въ руки султана (Hind Soldan) и мерзкаго (base) Violentrie. Султанъ-то былъ убитъ греками, а къ Violentrie жена сама направилась. Ждетъ Томсонъ вѣстей изъ дома,

1) Child, l. c., стр. 9—10.

пишетъ туда письмо; тамъ жены и не видали. Тогда въ одеждѣ паломника онъ пробирается въ замокъ Violentrie и проситъ у жены милостыни. Какія у тебя вѣсти? спрашиваетъ она. — Я недавно съ греческихъ полянъ, изъ шотландскаго войска.—Коли такъ, нѣтъ-ли у тебя вѣстей объ одномъ изъ вождей: давно-ли онъ видѣлъ свою жену? — Вотъ ужъ болѣе года, какъ мы съ нимъ разстались; теперь онъ боится, не попала-ли она въ руки врага.— Не силой и не насильемъ взялъ онъ меня, а я отдалась ему по моему желанію; пусть онъ (Томсонъ) остается въ войскѣ, я намѣрена остаться здѣсь. А коли увидишь Джона Томсона, скажи, что я желаю ему хорошаго сна; его головѣ не было такъ покойно и удобно, какъ той, что лежитъ у моихъ ногъ (His head was not so cosilie Nor yet so well as lies at my feet?). — Тогда паломникъ сбрасываетъ свою одежду и маску, проситъ жену спрятать его, и она обѣщаетъ это сдѣлать во имя старой любви: прячетъ его въ погребъ, гдѣ много лежало убитыхъ. Не часъ, а три просидѣлъ онъ тамъ, слышитъ страшный шумъ, то идетъ Violentrie, велитъ женѣ подать на столъ, разсказываетъ о шотландскомъ вождѣ, который часто обращалъ ихъ въ бѣгство; я далъ бы десять тысячъ секиновъ, лишь бы повидать его. Жена ловитъ его на словѣ, велитъ Томсону показаться, и онъ выходитъ, ломая въ отчаяніи руки. Что бы ты сдѣлалъ, еслибъ я тебѣ попался? спрашиваетъ его турокъ. — А вотъ что: я повѣсилъ бы тебя въ зеленомъ лѣсу и позволилъ бы самому выбрать дерево. Я хотѣлъ заколоть тебя ножемъ за то, что ты цѣловалъ мою жену.— Но та петля, что ты мнѣ готовилъ, скоро сплетется для тебя.— Тогда оба пошли въ лѣсъ, Томсонъ лазитъ съ одного дерева на другое и вздыхаетъ: Пришелъ мой послѣдній день! На каждую вѣтку онъ прикрѣпляетъ по лентѣ, чтобы (его) люди это видѣли; не понялъ того его коварный врагъ, принялъ это за издѣвку. Затрубилъ Томсонъ въ свой рогъ, и три тысячи вооруженныхъ прискакали изъ-за холма. Violentrie проситъ пощады; его помиловали той же милостью, какую онъ хотѣлъ оказать самъ, замокъ его сожгли, а измѣнницу повѣсили на зеленомъ деревѣ.

Такова баллада, почти воспроизводящая содержаніе нашей былины о Васильѣ Окульевичѣ. Ея несомнѣнно западнаго источника мы не знаемъ; имя Violentrie загадочно; John Thomson, очевидно, не тождественъ съ Джономъ Томсономъ шотландскаго присловья, гдѣ онъ означаетъ мужа, находящагося подъ башмакомъ жены. Указываютъ на шотландца Джона Томсона, первой половины XIV вѣка, отличившагося въ ирландской войнѣ и приведшаго въ Шотландію остатки арміи Эдварда Брюса[1]). Подобнаго рода отождествленіе въ духѣ народной былевой пѣсни: нашъ Василій Окульевичъ живетъ въ Царьградѣ на тѣхъ же основаніяхъ, па какихъ конунгъ шведской баллады царитъ въ Новгородѣ.

IV.

Сцена подъ висѣлицей, съ Соломономъ трубящимъ въ рогъ и войскомъ, спѣшащимъ тремя отрядами къ нему на выручку: таковъ, сказалъ я, эпизодъ, которымъ завершается разсказъ объ «увозѣ» въ славянорусскихъ и средненѣмецкихъ версіяхъ и нѣкоторыхъ изъ ихъ отраженій. Онъ проникнулъ и въ русскую повѣсть «о дѣтствѣ Соломона»[2]) въ такомъ порядкѣ: 1) мальчика Соломона не взлюбила его мать, она велитъ дядькѣ отнести его къ морю и тамъ заколоть, а вмѣсто него выдаетъ за сына другого ребенка. Дядька не исполнилъ возложеннаго на него порученія; Соломонъ выростаетъ у крестьянина и рано проявляетъ свою мудрость, творя судъ и расправу между сверстниками; 2) Давидъ, до котораго дошли о томъ слухи, начинаетъ подозрѣвать, что Соломонъ его сынъ, и приказываетъ разыскать его. Явившись ко двору отца, Соломонъ удивляетъ его рѣшеніемъ мудреныхъ загадокъ; 3) къ этимъ эпизодамъ примыкаетъ разсказъ объ увозѣ Соломоновой жены съ извѣстной намъ

1) Child, стр. 8.
2) Славянскія сказанія стр. 51 слѣд., 230 слѣд.

сценой подъ висѣлицей; похититель и жена-измѣнница повѣшены.

Въ такъ называемомъ второмъ Морольфѣ[1]) 1) нѣтъ разсказа о его дѣтствѣ; 2) Морольфъ является ко двору Соломона; слѣдуетъ его состязаніе въ мудрости и рядъ потѣшныхъ выходокъ, которыя забавляютъ, но наконецъ такъ раздражаютъ царя, что онъ рѣшается *повѣсить* Морольфа. Тотъ выпрашиваетъ себѣ одной милости: дозволить ему самому выбрать дерево для казни. Оказывается, что ни одно ему не по нраву, онъ только утомилъ своихъ сторожей, и его пришлось отпустить.—Въ 3-мъ эпизодѣ, когда Соломонъ попалъ въ руки языческаго царя, похитившаго его жену, онъ также проситъ дозволить ему выбрать дерево для *висѣлицы*, трубитъ въ рогъ, и войско является на выручку; въ первомъ Морольфѣ три отряда, отличающіеся цвѣтомъ, какъ и въ русскомъ пересказѣ[2]). Похититель повѣшенъ.

Я привелъ эти параллели, чтобы указать на своеобразный составъ повѣсти о Соломонѣ, записанной въ Смоленской губерніи[3]): 1) повѣсть о дѣтствѣ Соломона, сходная съ извѣстной доселѣ версіей; суды Соломона надъ сверстниками; 2) царь услышалъ о немъ, вызываетъ къ себѣ, испытываетъ въ мудрости; недоволенъ однимъ его рѣшеніемъ и велитъ его повѣсить. Соломонъ подъ висѣлицей; играетъ въ дудочку, и являются его воины, набранные изъ его сверстниковъ, три разноцвѣтныхъ полка; Соломонъ раскрываетъ отцу коварство матери, сбывшей его съ рукъ, и бабушки, которая обо всемъ знала и ничего отцу не сказала, и велитъ ихъ повѣсить.

Эпизодъ, которымъ кончается обыкновенно разсказъ объ увозѣ жены, примкнулъ здѣсь къ повѣсти о дѣтствѣ, а самаго разсказа нѣтъ. Онъ могъ выпасть изъ общей связи, но это и вызываетъ вопросъ: не совпала-ли сцена подъ висѣлицей, завершающая разсказъ о похищеніи, съ другой, гдѣ Морольфа хотятъ повѣсить

1) l. c. стр. 264 слѣд.

2) Сл. l. c. стр. 236, 292.

3) Смоленскій этнографическій сборникъ ч. I (1891), стр. 245 слѣд.

за тѣ же продѣлки, за которыя въ нашей сказкѣ готовятся казнить Соломона? Планъ послѣдней отвѣчаетъ второму эпизоду второго Морольфа. Если Шюкъ предположилъ русское происхожденіе для шведской баллады, я вправѣ возобновить вопросъ, поставленный мною давно тому назадъ [1]): не пришли-ли къ намъ нѣкоторыя редакціи соломоновскаго сказанія съ запада, обогащая сходныя, раньше воспринятыя византійскія темы?



1) Славянскія сказанія стр. 292.